

НАСЛЕДИЕ КРЕМЛЁВСКИХ
ВОЖДЕЙ

МОЙ СЫН ИОСИФ СТАЛИН

ЕКАТЕРИНА
ДЖУГАШВИЛИ

Екатерина Георгиевна Джугашвили
Мой сын – Иосиф Сталин
Серия «Наследие кремлевских вождей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6056226
Екатерина Джугашвили. Мой сын – Иосиф Сталин: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0376-0

Аннотация

Воспоминания матери Сталина впервые на русском языке!

Воспоминания представляют собой записи бесед с матерью вождя, сделанные в 1935 году 23, 25 и 27 августа. То есть без малого за два года до ее смерти. Ранее были известны лишь отрывки из этих воспоминаний. Екатерина Геладзе-Джугашвили довольно откровенно и подробно их надиктовывала.

Даже исполины когда-то были малышами. Покорив пространство и время, они все равно навсегда остаются детьми для их родителей. А мамин взгляд – это субъективность, возведенная в мистическую истинность бытия.

Содержание

От автора перевода	4
Предисловие	7
Воспоминания	18
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Екатерина Джугашвили Мой сын – Иосиф Сталин

От автора перевода

В 1912 году в Тбилиси вышла книжка на грузинском языке: «Воспоминания матери Сталина». В мягкой обложке, небольшая – всего сотня страниц карманного формата с двумя десятками фотографий неважного качества. Издательство: «Бакур Сулакаури Паблишинг». На обложке значилось, что произведение основано на материалах из архива Министерства внутренних дел Грузии. Однако основной массив этих материалов первоначально лежал в архивных фондах, принадлежавших Центральному Комитету Компартии республики и лишь после десоветизации в начале девяностых годов прошлого века был передан в МВД.

Воспоминания представляют собой записи бесед с матерью вождя, сделанные в 1935 году 23, 25 и 27 августа. То есть без малого за два года до ее смерти. Ранее были известны лишь отрывки из этих воспоминаний. Екатерина Геладзе-Джугашвили довольно откровенно и подробно надиктовывала свои воспоминания. Остается надеяться, что стенографисты добросовестно выполняли свою работу. Собственно, в то время по-другому и быть не могло.

В столь полном виде записи публикуются впервые и являются ценным историческим материалом. Это – один из немногих относительно достоверных источников сведений о ранних годах Сталина, о его родителях и некоторых других людях, имевших отношение к его семье.

Почему – относительно достоверных? Разве имеются данные о фальсификации этого документа?

Нет, таких данных не имеется. Но вопрос возник не случайно, и будет возникать впредь. Причем, подобные вопросы задаются не только в связи с материалами, имеющими прямое либо косвенное отношение к Сталину и его эпохе. За истекшие двадцать лет архивное хозяйство Советского Союза претерпело огромные изменения. По сути, многие фонды были разгромлены, перелопачены, страдают изъятиями и вбрасыванием подделок. Это происходило по всей бывшей стране за очень немногими исключениями. Сведения о возмутительных фактах подтасовок не раз становились достоянием гласности. Поэтому все большее число историков скептически или предельно осторожно относятся к материалам, особенно сенсационного толка, всплывающим на поверхность в архивном море, которое стало явно мутноватым.

При переводе текстов пришлось столкнуться со многими трудностями. В основном этнографического характера. Ведь многие реалии дореволюционной жизни Грузии незнакомы современному читателю, особенно русскоязычному. Скупые редакционные сноски не полностью освещали эти реалии. Поэтому сноски понадобилось расширить и дополнить.

Кроме того, я прибег к составлению небольшого глоссария, помещенного в конце книжки. Там дается толкование ряда малоизвестных, архаичных понятий, связанных с национальными особенностями и колоритом, коротко говорится о некоторых столь же малоизвестных исторических лицах. В тексте эти понятия и лица выделены курсивом. То же самое относится к чисто церковным терминам. Слова в глоссарии пронумерованы теми же цифрами, которыми они помечены в тексте. Благодаря шрифтовому выделению, а также тому, что они расположены не по алфавиту, а по порядку изложения, их легко отыскать.

Я сократил предисловие, которое к грузинскому изданию написал профессор политологии Мичиганского и Чикагского университетов Рональд Суни (иногда в русском варианте его имя пишется как Сюни). Он гражданин США армянского происхождения. Сфера

научных интересов – советская и постсоветская история, прежде всего Южного Кавказа, исследование межнациональных отношений и вопросов, связанных с конфликтологией. Примечательно, что его работы вызвали острую критику в кругах некоторых историков и публицистов Армении, которые назвали их пасквильными. Они обвинили Суни ни много ни мало в фальсификации истории Армении по заданию правительства США.

Предисловие Р. Суни полно дежурных пропагандистских штампов и отличается невысоким научным уровнем, чтобы не сказать халтурой. Зачастую профессор просто пересказывает мемуары матери Сталина. Причем, почему-то считает, что они были обнаружены случайно, хотя это вовсе не так. Делает он и собственные добавления, некоторые из которых выглядят более, чем сомнительно. В одном месте он характеризует мать Сталина как идеальную грузинку, в другом – отказывает ей в этом. Есть примеры иной путаницы и отсутствия логики. Часть его утверждений вступает в противоречие с тем, что вспоминает мать. Более того, Р.Суни зачастую противоречит самому себе, словно забыв, о чем он писал несколькими абзацами раньше.

Вообще вызывает недоумение, зачем и кому понадобилось обращаться к североамериканскому историку с просьбой написать предисловие, если и в Грузии, и в России имеются гораздо более квалифицированные специалисты в этой области. Видимо, сыграла свою роль общая проамериканская ориентация тогдашних правителей республики, доходившая до крайностей. Они считали, что мы всему должны учиться у западных исследователей. Я позволю себе заметить, что дело обстоит ровно наоборот: это западным исследователям грузинской и общесоветской истории следовало бы прислушиваться к авторитетному мнению наших ученых. Словом, заокеанского профессора пришлось править не только стилистически, но и давать короткие критические комментарии к его рассуждениям.

Тем не менее, хотя бы пробежать предисловие стоит. Это даст возможность почувствовать и понять специфические подходы к нашему прошлому, к хорошо известным нам историческим событиям тех, кто изначально был заражен антисталинизмом, от него эволюционировал к антисоветизму, а затем перешел к антирусизму. Практически все они отдают дань отжившим рецидивам холодной войны. Следовательно, не всегда адекватно воспринимают фактологию этого прошлого, тенденциозно судят о событиях и свидетельствах очевидцев.

В то же время Р.Суни вынужден был не раз констатировать бесспорные вещи. В частности, несомненную одаренность, проявившуюся у ребенка, затем у подростка и, наконец, у юноши, вышедшего из простонародья и избравшего определенный жизненный путь, чтобы исполнить миссию, возложенную на него будущей судьбой.

Появление же самой книжки есть отражение незатухающего интереса к личности Иосифа Виссарионовича Сталина, к мельчайшим деталям его биографии. Можно даже говорить о возрастании этого интереса во всех уголках бывшего Советского Союза и за рубежом.

Так же, как и в России, никакие усилия антисталинской пропаганды в Грузии не возыметь желаемого результата. Поэтому книжка, изданная малым тиражом (и напечатанная, кстати, в Турции), была положительно встречена грузинской общественностью. Большинство наших читателей, оставляя за скобками поверхностные рассуждения североамериканского профессора, погрязшего в примитивном антиисторизме, с интересом знакомились с бесхитростным и честным повествованием обычной женщины-матери, подарившей миру необычного сына. Думаю, ее рассказ будет интересен и для российского читателя. Даже независимо от степени его достоверности.

Напоследок отмечу, что в октябре 1935-го Сталин в последний раз виделся с матерью. Хотелось бы сослаться на рассказ журналиста Бориса Дорофеева, который писал в газете «Правда»:

«Мы пришли в гости к матери Иосифа Виссарионовича Сталина. Три дня назад – 17 октября – здесь был Сталин. Сын. 75-летняя мать приветлива, бодра. Она рассказывает нам о незабываемых минутах.

– Радость? – говорит она. – Какую радость испытала я, вы спрашиваете? Весь мир радуется, глядя на моего сына и нашу страну. Что же должна испытать я – мать?

Мы садимся в просторной светлой комнате, посередине которой круглый стол, покрытый белой скатертью. Букет цветов. Диван, кровать, стулья, над кроватью портрет сына. Вот он с Лениным, вот молодой, вот в кабинете...

– Пришел неожиданно, не предупредив. Открылась дверь, вот эта, и вошел. Я вижу – он. Он долго целовал меня...»¹

На этой встрече с московскими журналистами мать назвала Сталина «примерным сыном», хотя он так и не воплотил ее мечту. Из публикуемых ниже воспоминаний (об этом говорится и в предисловии) читатель узнает, что она желала видеть в сыне священника, рисовала его в своем воображении епископом. Во время последнего визита сына к ней она тихо сказала ему: «А жаль, что ты так и не стал священником»².

Кем же он стал? История пока так и не вынесла окончательного вердикта этой исполинской фигуре, которая не уместается в привычные летописные рамки. Ее оценки будут меняться. Все и вся будет меняться. Однако глубинный смысл публикуемого рассказа о детстве и юношестве Сталина мне видится в неизменном:

Даже исполины когда-то были малышами. Покорив пространство и время, они все равно навсегда остаются ребенком для их мамы. А мамин взгляд – это субъективность, возведенная в мистическую истинность бытия.

*Вилли Гогия, историк,
журналист, востоковед*

¹ Газета «Правда», 23 октября, 1935 г.

² С.Аллилуева, «Двадцать писем к другу», М., Советский писатель, 1990.

Предисловие

После развала СССР и восстановления государственной независимости Грузии для исследователей наконец стали доступны воспоминания матери Сталина, записанные с ее слов. Эти воспоминания более 70 лет хранились в архиве ЦК Компартии Грузии. Благодаря этому необычному и неожиданно обнаруженному источнику биографы Сталина смогли дополнить и уточнить информацию, которая ранее была известна из других, менее достоверных источников.

Автор воспоминаний рассказывает о единственном из оставшихся в живых ее сыновей с большой любовью, а о его непутевом отце – своем муже – вспоминает с досадой. Воспоминания с убедительной простотой раскрывают картины ее тяжелого детства и тягостной жизни после замужества. Раскрывают упорство, с которым она пыталась уберечь сына от многочисленных детских болезней, ее неукротимое желание дать сыну духовное образование. Этот уникальный, необычайно волнующий рассказ, доступный теперь широкому кругу исследователей, дает возможность глубоко анализировать становление характера, личности Иосифа Джугашвили – Сталина.

Кетеван (Екатерина) Геладзе, которую близкие называли уменьшительно Кеке, родилась между 1856 и 1860 годами. Ее родители – отец Глаха и мать Мелания – были крепостными помещика Амилахвари, который отличался несносным отношением к крестьянам. Это стало причиной бегства семьи из деревни Свенети в поселок Гамбареули близ городка Гори³.

Место было холодным, заболоченным, непригодным для жилья. Но для Глаха, занимавшегося гончарным делом, было на руку наличие здесь подходящей глины. Кеке беспокоили головные боли, ее часто лихорадило. Вскоре отец умер и ее матери пришлось одной растить дочь и двух сыновей – Гио (Георгия) и Сандаля (Сандро). Трудолюбивые сыновья стали кормильцами семьи. Сандро занялся обжигом кирпича, Георгий пошел по стопам отца – стал гончаром. Он же работал садовником у местного богатого армянина Гамбарова.

В шестидесятых годах XIX века после отмены крепостного права семья переселилась в Гори. Дальний родственник Матэ Нариашвили выделил ей небольшой земельный участок. На нем братья с помощью соседей поставили добротную избу. В этой части города, называвшейся из-за расположенных здесь армейских казарм Русской слободой, жили преимущественно бедняки. Среди их жилищ, а это обычно были убогие землянки, изба Геладзе выгодно отличалась: имела окна, к ней примыкал крохотный, но свой, возделываемый клочок земли.

На новом месте Кеке выздоровела, стала приметной девицей. Мать обучила своих детей грамоте. В ту пору среди грузинских женщин мало кто умел читать и писать, но Кеке сизмальства была привита любовь к учению⁴. Позже она передаст эту любовь своему сыну.

Шло время. В доме появились сваты. Привлекательную, стройную, большеглазую девушку познакомили с симпатичным молодым человеком по имени Бесо (Виссарион) Джугашвили. Старшему брату Гио сразу приглянулся будущий зять и он посоветовал сестре выйти за того замуж. Сначала Кеке расплакалась, хотя внутренне была рада, что Бесо, который очень нравился многим горийским девушкам, остановил на ней свой выбор.

³ Гамбареули в разных источниках называют по-разному: поселком, деревней и даже пригородом Гори. (Прим. перев.)

⁴ Конечно, неграмотность была бичом царской империи, свыше 70 процентов населения которой не умело читать и писать. В некоторых местах неграмотность была чуть ли не поголовной. Однако по регионам эта цифра менялась. Грузия в данном отношении традиционно являлась относительно благополучным краем. Здесь уровень грамотности доходил до 60 и более процентов. В Тифлисской губернии в конце XIX столетия почти треть городских женщин владела чтением-письмом. Правда, в сельской местности этот показатель был гораздо ниже. (Прим. перев.)

17 мая 1874 года Бесо и семнадцатилетняя Кеке обвенчались. Сыграли многолюдную, традиционную для *карачохели* (1) грузинскую свадьбу⁵. Шаферами молодых были их друзья – Якоб Эгнаташвили и Миха Цихитатришвили.

Чета Джугашвили поселилась в Русской слободе, сняв комнату в домике близ средневековой горийской крепости. Бесо трудился небезуспешно. Он стал одним из лучших сапожников города. Покинул мастерскую своего армянского работодателя Арона Барсамова и открыл собственную мастерскую⁶. Дело шло в гору. Бесо нанял подмастерьев. В доме царили достаток и полное благополучие⁷.

Когда на свет появился первенец – Миша, – радости молодого отца не было границ. К сожалению, через пару недель младенец умер. Бесо запил. Через два года родился и умер второй мальчик. Бесо был безутешен. Он дал обет: принести в жертву овцу, если третий ребенок останется жив. Для Бесо, как и для многих грузин и армян, исповедующих христианство, вера в бога связана со многими языческими обрядами, к которым, в частности, относится заклание жертвенного животного, а также ритуалы, связанные с так называемым древом желания⁸.

В декабре 1978 года у супругов Джугашвили на пятом году их совместной жизни родился третий сын – Иосиф⁹. (Грузинское произношение – Иосеб. Его по обычаю звали сокращенно-ласкательно Сосо; ударение разноместное. – В.Г.).

Его рождения семья ожидала с большим волнением. Боясь потерять ребенка, решили поскорее крестить его. Но при этом поменяли крестного. Первых двух сыновей крестил упоминавшийся Якоб Эгнаташвили. Теперь выбор остановился на близком друге семьи – Михе Цихитатришвили. На шею внука бабушка повесила оберег и напомнила его отцу об обете.

...Сосо рос худым, слабым, часто болел. Когда Кеке не было дома, ребенка кормила грудью жена крестного Мариам. Подросший мальчик не любил мясной еды, обожал фасоль в любом виде. Его первым словом было «дундала». Так он называл все блестящие предметы. (Вообще-то, в воспоминаниях матери Сталина нигде не говорится, что это было именно первое его слово. – В.Г.)

Во время очередной хвори Сосо вдруг потерял дар речи. Родители решили снова устроить жертвоприношение и совершить паломничество в церковь Святого Георгия. Спустя какое-то время болезнь отступила.

⁵ А.Островский, «Кто стоял за спиной Сталина», М., Олма-пресс, Спб., Нева, 2002; В.Каминский, И.Верещагин (составители), «Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы», «Молодая гвардия», №12, 1939 г.; Иосиф Гришашвили, «Литературная богема старого Тбилиси», Тбилиси, Мерани, 1977.

⁶ Мария (Машо) Кирилловна Абрамидзе-Цихитатришвили – уроженка Гори, вхожая в дом Геладзе. Написала «Воспоминания о семье Виссариона Джугашвили», ныне хранящиеся в архиве МВД Республики Грузия, ф. 8, о. 2, т. 1, д. 1.

⁷ А.Островский, «Кто стоял за спиной Сталина», М., Олма-пресс, Спб., Нева, 2002; Давид Гаситашвили, «Воспоминания», архив МВД Республики Грузия, ф. 8, о. 2, т. 1, д. 8.

⁸ Рональд Суни совершенно зря связывает такое заклание только с грузинскими и армянскими христианами. Подобная обрядность была характерна также для болгар, молдаван, сербов. Жертвенный убой скота остался в практике очень многих или даже большинства представителей всех монотеистических религий, доминирующих в современном мире и уходит корнями в языческие времена. Что касается так называемого древа желания, то культ деревьев был характерен для многих народов. На Кавказе он кое-где сохранился до наших дней. К веткам дерева порой привязывают записки с молитвами, просьбами. Кстати, заклание овцы или телят, приносимых в жертву богу, часто производилось именно у подножия священного дерева, почитаемого как источник целительной, животворящей силы. (Прим. перев.)

⁹ Согласно официальной версии И.В.Сталин родился 21 декабря (9 декабря по старому стилю) 1979 г. В последнее время все чаще говорят о том, что настоящей датой его рождения является 18 декабря (6 декабря по старому стилю) 1878 г. Ссылаются на обнаруженную запись в церковной книге, на др. документы. Неразбериха с датой рождения была типична для немущих слоев царской империи. Огромное количество бедняков никогда не знало своего возраста точно. Записи в церковных книгах тоже не всегда грамотно велись, а иногда вообще отсутствовали. Нередко ошибались и светские делопроизводители. Но главное другое. Имеет ли установление подлинного дня рождения Сталина мало-мальски существенное политическое значение? Нет. Интересно ли это с бытовой точки зрения? Да. Из данного обстоятельства и следует исходить при обсуждении сего вопроса, вокруг которого нагромождено множество конспирологических версий. (Прим. перев.)

Сосо с детства был впечатлительным ребенком. Завидев подвыпившего Бесо, со страхом прижимался к матери и просил ее укрыться вместе с ним у соседей, пока отец не утихомирится. Постепенно Сосо стал предпочитать уединение, сторонился сверстников. Даже любимая игра в «*Арсена*» (2) уже не привлекала его, как раньше. Одновременно, желая побольше узнать о народных героях, он стал просить научить его грамоте.

Жизнь грузинского общества подчинялась определенным правилам. Оно отличалось чрезмерным, помпезным гостеприимством и застольем. (Это больше относилось к верхним, дворянским слоям общества и к мелкобуржуазно-обывательской среде. – В.Г.)

На этом фоне Джугашвили жили скромно. В их ежедневный рацион входили фасоль, отварной картофель, мясо с баклажанами или другими овощами, традиционный лаваш. Большинство жителей Гори владели за городом фруктовыми садами, виноградниками. Однако нет никаких свидетельств, что семья Джугашвили тоже имела подобное сельхозугодье.

Бесо одевался всегда опрятно, но скромно. Верхняя одежда – как правило, *чоха* (3). На голове – как правило, картуз. (Его называли русской шапкой. – В.Г.) Кеке носила традиционное грузинское платье, приталенное, с длинными рукавами. Головной убор представлял собой *чихти-кони* (4), к которому крепился изящно повязанный шелковый платок. Ее знакомые подчеркивали, что Кеке своей скромностью, природной грациозностью и вежливостью являла собой идеал грузинской женщины.

Ранее считалось, что носителями идеальных черт могут-де быть только дамы высшего света. Однако в девятнадцатом веке наступила пора, когда стали «мириться» с мыслью, что чертами общенационального идеала обладают представители разных слоев общества. Грузинская женщина должна была быть стройной, пассивной с сексуальной точки зрения, обязательно девственницей до замужества, всегда готовой радушно встретить гостей в идеально прибранном доме. В грузинском обществе самой важной функцией женщины считалось воспитание детей. В своем известном стихотворении «Мать-Грузия» живой литературный классик и духовный отец нации того времени Илья Чавчавадзе отмечал: воспитание детей является божественным долгом матери.

Сталин с уважением относился к идеалу грузинской женщины и почитал скромность ее главным украшением. Его дочь Светлана Аллилуева в своей книге «Двадцать писем к другу» вспоминала, как часто ей приходилось спорить с отцом на эту тему. Однажды Сталин сильно осерчал, когда на фотографии, подаренной ему дочерью, он увидел ее не просто улыбающейся, а делающей это вызывающим образом.

«У тебя дерзкое выражение лица, – написал он ей. – Раньше женщины были более скромными, и это им очень подходило...»¹⁰.

Со временем Бесо все чаще выпивал. У него вошло в привычку отмечать выпивкой каждую новую пару сшитой им обуви. Он забросил работу в своей мастерской. Переехал в Тбилиси, который пока еще назывался Тифлисом. Поступил на обувную фабрику Адельханова. Сосо было тогда пять лет.

«Пролетаризацию» Бесо можно считать шагом вниз по ступеням социальной лестницы, но, вероятно, в Тбилиси его заработок был больше и стабильнее. Мелкие ремесленники не могли конкурировать с механизированными производствами. Кроме того, Бесо нра-

¹⁰ Поскольку бежавшая на Запад С. Аллилуева впоследствии предала отца не только с моральной, но и с политической точки зрения, можно только подивиться проницательности Сталина, давно почувствовавшего неладное в поведении дочери. Наряду с этим замечу, что, зная биографию С.Аллилуевой, историкам следовало бы весьма критически относиться ко многим изложенным ею фактам. А учитывая возню западных спецслужб вокруг ее мемуаров и ее персоны как таковой, можно задаться вопросом: каково соотношение в книге написанного ею и написанного или продиктованного спецслужбами? (Прим. перев.)

вилась его новая работа. Несмотря на противодействие жены он настаивал на обучении сына профессии обувщика.

Кеке же была уверена, что Бесо потерял прежнюю сноровку и сын ему нужен в качестве верного помощника. Некоторое время Сосо поработал на фабрике рядом с отцом. Но шестилетний мальчуган заболел корью и чуть не отдал богу душу. Эта напасть стоила жизни многим детям на Кавказе. У Якоба Эгнаташвили трое детей умерли от кори в один день. Бесо и кеке сильно тревожились из-за болезни сына, у которого три дня держалась очень высокая температура. Он бредил, требовал к себе на расправу, наславшего на него недуг *Кучатнели* (5).

Бабушка обернула *мутаку* (6) одеялом и сказала, что внутри прикорнул негодяй Кучатнели. Сосо с криком «вот тебе!» стал топтать «виновника» болезни. Потом затих и уснул. На четвертый день появилась красная сыпь. Через десять дней стали отпадать засохшие сыпные корочки. Пусть небольшие, но следы от этого остались, как от мелких оспинок, на всю жизнь.

Сосо подрастал, становился независимым, порой непослушным. Бывало, мать позовет его, но он, не желая идти домой, не откликнулся и продолжал играть¹¹. Своего сына родители любили по своему, неодинаково. Забота о его будущем явилась причиной глубокой распри между ними. Как вспоминали Иремашвили и другие, Сосо всегда был на стороне матери¹². Отец несколько раз пытался увести сына в Тбилиси. Он полагал, что у того имеются задатки высококлассного мастера, что в будущем Сосо станет гордостью *амкарства* (7) сапожников.

Кеке для разрешения спора привлекала родственников, друзей, а в дальнейшем и преподавателей духовного училища. Наконец Бесо сдался и отказался от идеи забрать сына с собой. Но посчитав себя обиженным, даже оскорбленным, полностью поручил сына заботам матери. Ее решение сделать сына священнослужителем совпадало с планами мальчика. (Откуда это известно североамериканскому профессору, разве Сталин когда-нибудь заикался о подобном, как вообще мог строить такие планы малыш, не достигший даже отрочества и в сущности имевший по сословным причинам очень мало шансов для осуществления материнской мечты? Вопросы без ответа. – В.Г.).

Чтобы быть подальше от мужа-пьяницы, Кеке с сыном ушла жить к братьям. Бесо дважды пытался примириться с ней, но Кеке была непреклонна, хотя братья и Эгнаташвили старались принудить ее к уступкам¹³. Гио открыто обвинял ее в развале семьи, утверждал, что в сапожничестве нет ничего зазорного, что позор всей фамилии, а не только жене – остаться без мужа при живом муже. Целую неделю брат не разговаривал с сестрой. Кеке обладала твердым характером и стояла на своем: она даст сыну духовное образование, а муж мешает этому.

Процесс распада семьи Джугашвили длился долго. Неприятные инциденты происходили и в годы отрочества Сосо. Его отец и мать стали чужими друг другу. Иногда Бесо присылал деньги для сына, делал другие попытки вернуться домой. Но фактически связь между ним и сыном прервалась задолго до того, как он окончательно решил покинуть семью. Это случилось приблизительно в 1890 году, когда Сосо было одиннадцать лет.

¹¹ Мария (Машо) Кирилловна Абрамидзе-Цихитатришвили, «Воспоминания о семье Виссариона Джугашвили», архив МВД Республики Грузия, ф. 8, о. 2, т. 1, д. 1.

¹² Тезка и однокашник Сталина Иосиф Иремашвили (1878-1944) учился с ним сначала в Горийском духовном училище, а затем в Тифлисской духовной семинарии. Тоже вступил в РСДРП, но стал меньшевиком. Был арестован в 1922 г. и выслан из страны. Получил политическое убежище в Германии, где позже сблизился с нацистами. В Берлине выпустил книгу «Сталин и трагедия Грузии». Она ценится среди западных историков, которые считают ее неопровержимым свидетельством очевидца. Объективность Иремашвили ущербна уже по той причине, что его явно ангажированные мемуары написаны с нескрываемых и ярких антикоммунистических, антисоветских, антисталинских позиций. Многие его клеветнические измышления давно опровергнуты. (Прим. перев.)

¹³ А.Островский, «Кто стоял за спиной Сталина», М., Олма-пресс, Спб., Нева, 2002, стр. 103-105.

Так как братья были против развода, Кеке ушла от них и поселилась на втором этаже дома знакомого священника Христофора Чарквиани. Примерно в это же время семилетний Сосо стал упрашивать мать обучить его грамоте. Мать и бабушка всегда мечтали о том, чтобы он получил духовное образование. Они благоговейно внимали звону колоколов, которым в Гори встречали приезжавших из Тбилиси епископов. Отец же считал учебу постыдным делом. Пустой тратой времени, отдавал предпочтение овладению полезным ремеслом.

Кеке обратилась с просьбой к детям Чарквиани, которые очень любили маленького Сосо, чтобы они научили его читать-писать. Те охотно взялись за дело. Бесо тогда еще находился в Гори, поэтому братья Чарквиани занимались с Сосо, когда его отец уходил на работу. Но вскоре эта тайна открылась и Бесо силой увел мальчика в обувную мастерскую. Мать пришла на помощь сыну незамедлительно, и занятия возобновились.

Сосо оказался способным и прилежным учеником. Грузинский букварь, на изучение которого отводился обычно целый год, он освоил за неделю. В перерыве между занятиями Сосо частенько играл в куклы с младшей дочерью священника. Годы спустя, когда он был уже в третьем классе Горийского духовного училища его приятель Г.Элисабедашвили (фамилия пишется также, как Елисабедашвили. – В.Г.) с улыбкой напоминал ему о его влюбленности в дочку Чарквиани¹⁴.

Для пополнения семейного бюджета Кеке собиралась заняться выпечкой или шитьем. Но муж запрещал жене работать вне дома. Семейство священника Чарквиани всячески помогало ей. Мариам – супруга Якоба Эгнаташвили регулярно посылала ей корзину со съестным.

Горийское училище давало начальное духовное образование, но и при этом туда принимали только детей священнослужителей. Чтобы Сосо допустили к экзаменам, Христофор Чарквиани пошел на подлог. Он объявил Бесо Джугашвили своим *дьяконом* (8). Сосо блестяще прошел вступительные испытания. Этот факт, а также то, что по возрасту он был старше остальных первоклашек, его сразу зачислили в средний класс. На дворе стоял 1988 год.

Оставшись одна, Кеке все-таки занялась шитьем. Одно время работала в доме сверстника Сосо – префекта полиции Дамиана Даврищева. Ректор училища Беляев посылал ей белье для стирки и хорошо платил. Когда в Гори две сестры Дареджан и Лиза Кулиджановы открыли швейную мастерскую, Кеке нанялась к ним. Следующие семнадцать лет она, помимо прочего, неизменно занималась пошивом женских платьев. Она для того времени была неординарной личностью уже хотя бы потому, что ее не страшила жизнь без мужа.

Скромная и глубоко верующая, она без устали заботилась о благополучии сына. Светлана Аллилуева вспоминала, что ее отец очень любил свою мать и уважительно относился к ней. В книге «Двадцать писем к другу» она говорит следующее:

Бабушка была верующей и мечтала о поприще священнослужителя для сына. Эту мечту она пронесла через всю жизнь и когда отец незадолго до смерти навестил ее, с горечью вздохнула, что тот так и не стал священником. Отец часто повторял эти ее слова. Он много раз вспоминал свою мать.

Сталин считал свою малообразованную мать разумной и волевой. Когда она скончалась в 1937-м в возрасте примерно 80 лет, он по воспоминаниям С.Аллилуевой, очень сильно переживал.

...Заработок от шитья позволял Кеке более или менее хорошо одевать сына. У него были добротная обувь, шерстяное пальто, теплая зимняя шапка, связанная матерью. Спал Сосо на тахте. А когда тахта стала ему маленькой, мать самостоятельно переделала и удлинила ее.

¹⁴ Г.Элисабедашвили, «Воспоминания», Дом-музей И.В.Сталина в Гори, ф. 3, т. 1, д. 1955-146.

Зажиточным и комфортным их существование, конечно, не было. Преподаватели училища периодически посещали учащихся на дому. Однажды они явились к Джугашвили в дождливую погоду и обнаружили, что с потолка текла вода, отчего мать и сын ютились в углу комнаты¹⁵.

Хотя мать Сосо не полностью соответствовала идеалу грузинской жены, она была сильной и принципиальной женщиной. А вот отец Сосо никак не походил на образ настоящего грузина. У него в семье не было должного авторитета, он мало зарабатывал, часто выпивал – одним словом, типичный неудачник.

Биографы Сталина много пишут о том, что его патологии берут начало от тех побоев, которые маленькому Сосо доставались в детстве, хотя Кеке в своих воспоминаниях на это не ссылается. Был даже случай, когда Сосо, возмущенный поведением отца, швырнул в него ножом. Зато, сообщает Кеке, Сосо переживал, но переносил оскорбления со стороны матери. Сосо рос в семье, где традиционный, патриархальный авторитет отца был разрушен неподчинением матери главе семейства. Такая подмена ролей, безусловно, повлияла на маленького Сосо. (Североамериканцу, да и другим спекулянтам от исторической науки очень хочется, чтобы у Сталина были патологии, чтобы он по-техасски метал ножи, коль скоро не мог палить из кольта. Оставим их в этом заблуждении, которое так тешит профессорскую душу. Тем паче, что Р.Суни спохватывается и далее скороговоркой признает: невозможно, дескать, установить, что было причиной патологий – побои отца или просто неприязнь к нему со стороны сына за пьянство? Правда, сам Сталин совершенно иначе отзывался о своих родителях и семейных взаимоотношениях. Но, по мнению горе-исследователей, ему верить нельзя, а сплетникам, завистникам и ненавистникам – можно. – В.Г.)

Религия, конкретно православие, играла большую роль в детстве Сосо. Мечта его матери увидеть сына священником никогда не покидала ее. Когда однажды С.Гогличидзе предложил перевести Сосо из духовного училища в педагогическое учебное заведение, что давало возможность продолжить затем учебу в университете, Кеке наотрез отказалась¹⁶.

Подшло время окончания Горийского училища. В ту пору из-за волнений в Тбилисской духовной семинарии было принято решение: к вступительным экзаменам допускать только сыновей священников. Это обстоятельство встревожило Сосо, но мать обнадежила его. Она запаслась отличными характеристиками и рекомендациями и вместе с сыном отправилась в Тбилиси.

Этот большой губернский город сильно отличался от тихого провинциального Гори, где почти все жители знали друг друга. Успешные горийцы переживали за неудачливых. О сиротах заботились, как о своих детях. Никто не оставался голодным. Заботу о ритуальных похоронных хлопотах несли не только родственники умершего, но и соседи. Деньги на поминки и на иную помощь собирали всем миром.

В Тбилиси каждый приезжий должен был сам заботиться о себе. Самостоятельно найти ночлег, обзавестись знакомыми – через это проходили все прибывавшие сюда. На Кавказе родственные и дружеские связи всегда были залогом успеха. Официальные законы имели второстепенное значение, существенную роль играли деньги.

Тбилисское общество состояло из многих этнических и социальных слоев. На верхних ступенях социальной лестницы, которую возглавлял наместник царя, он же генерал-губер-

¹⁵ Факт приводится по «Воспоминаниям о Сталине тов. С.Гогличидзе». Преподаватель Семен Гогличидзе хорошо знал юного Сосо Джугашвили. Его мемуарная запись вместе с воспоминаниями ряда других людей из окружения Сталина находилась в архиве Тбилисского филиала ИМЭЛ: Института Маркса – Энгельса – Ленина (впоследствии Институт марксизма-ленинизма) при ЦК КПСС. Где она хранится в настоящее время, неизвестно. Выдержки из нее появлялись в газетах и в книгах. Следует добавить, что на самом деле Семен – это русифицированное грузинское имя Симон. Причем в восточной Грузии, где располагается Гори, имя произносилось как Свимон. Поэтому далее – в рассказах матери Сталина – она называет Гогличидзе именно Свимоном. (Прим. перев.)

¹⁶ Там же.

натор, располагались высшие русские чиновники. Рядом с ним находились высокородные грузинские аристократы. Кроме русских и грузинских князей, богатейшими людьми города были армянские магнаты, которые строили большие доходные дома, покровительствовали больницам. Конкуренцию многочисленным армянским торговцам составляли не менее многочисленные *кинто* (9).

На улицах Тбилиси грузинский язык перемешивался с русским, армянским, азербайджанским. Английский путешественник Джеймс Брайс задолго до появления в Тбилиси Сосо был очарован экзотическим разнообразием, шумной и кипучей жизнью этого города.

В своей работе «Закавказье и Арарат: заметки о путешествии в 1876 году» он писал, что в Тбилиси наибольшее впечатление на приезжего оказывали не достопримечательности, а город в целом, представлявший собой конгломерат языков, национальностей, религий и обычаев. Характер его определялся тем, что это был не один, а совокупное множество характеров. Тут бок о бок жили разные народы. Они трудились, продавали, покупали, хотя старались близко не соприкасаться. Они не любили, но и не ненавидели друг друга¹⁷.

На низших ступенях социальной лестницы стояли ремесленники и рабочие. Это были бывшие крестьяне, которые перебрались сюда из деревень в поисках лучшей доли. Бурно развивавшийся город предоставлял им работу на заводах, фабриках, в сфере торговли.

Летом 1894 года Кеке и пятнадцатилетний Сосо прибыли в Тбилиси. Кеке вспоминает, что, как только поезд приблизился к городу, сын расплакался. На него напал страх встречи с отцом и возможного насильственного привлечения к работе на обувной фабрике. Сквозь слезы он промолвил: мне лучше умереть, чем стать сапожником.

Кеке тоже боялась возможной встречи. Она собиралась в случае такого оборота дел поднять крик и позвать полицию. Но все обошлось.

К Тбилиси они подъехали утром. Сосо был очарован городом. У Кеке не было достаточно денег для найма жилья. Беспокоить родственников она не решилась. Комната нашлась в одном из старых районов Тбилиси. Хозяйка, молодая армянка, была одна, так как все ее домочадцы временно отбыли в деревню. Кеке с ней быстро подружилась. Хозяйка была рада неожиданным постояльцам и считала, что квартиранты принесли ей счастье, ибо вскоре она вышла замуж. После этого она на радостях отказалась взимать плату за проживание и даже подарила матери Сосо красивую шаль.

Необходимо было найти тех, кто помог бы устроить допуск к экзаменам в семинарию. Кеке попросила содействия у дальней родственницы Като Анариашвили, чьим соседом являлся священник Чагунава, работавший в семинарии. Кеке и Като обратились к жене священника – Маке, рассказав о способностях мальчика.

Представ перед священником, Сосо добился его расположения и тот рекомендовал его известному историку и этнографу Тедо Жордания¹⁸.

В конце концов Сосо был допущен к экзаменам. Кеке была так рада, что сделала благодетельнице Маке подарок: сшила и простегала одеяло. Это был типично кавказский поступок и подарок.

¹⁷ James Bryce, «Transcaucasia and Ararat: Notes of a vacation tour in 1876», 3-rd edition, London, Macmillan and Co, 1878. Добавлю, что выпускник Оксфорда и Гейдельберга виконт Джеймс Брайс (он же Брюс) прожил долгую жизнь: родился в 1838 г., скончался в 1922 г. С научной и дипломатической целью совершил ряд путешествий по Старому и Новому Свету. Автор исторических, политологических и юридических трудов. Известен также как крупный английский государственный деятель. Работал послом Великобритании в Соединенных Штатах. Входил в состав правительства, был заместителем министра иностранных дел. Уделял большое внимание британской политике на Кавказе. Через некоторое время после своей памятной поездки туда основал Англо-армянское общество. Занимался вопросами спасения армян во время их геноцида в Османской империи в период Первой мировой войны. (Прим. перев.)

¹⁸ Тедо Жордания (1854-1916) был известным ученым и имел влияние во властных структурах, включая церковные. Он собирал и исследовал древние рукописи, а также иконы и другие культовые предметы. Внес достойный вклад в развитие грузинской культуры и совершенствование системы образования. (Прим. перев.)

Сосо Джугашвили успешно сдал экзамены и был зачислен в семинаристы на правах частичного государственного обеспечения. Семинаристу была нужна форменная одежда и Кеке срочно выехала в Гори добывать средства для необходимых покупок. Тем временем ей сообщили, что после окончательного подведения итогов вступительных экзаменов Сосо получил полное государственное обеспечение. Кроме того, в результате хлопот Тедо Жордания новоиспеченному семинаристу предоставили место в общежитии. Все это позволило сэкономить до ста рублей, что являлось по тем временам большой суммой.

Для Сосо настала пора самостоятельной жизни. Он регулярно, два раза в неделю посылал маме письма. Та читала и перечитывала их, с нетерпением ждала Рождества и Пасхи, когда сын приезжал на каникулы. В свой первый приезд Сосо привез гостинцев: припасенную загодя горсть сахара – часть своего скудного пайка. Мать на целый год растянула удовольствие лакомиться сыновним сюрпризом.

Они очень любили друг друга, но вскоре над безоблачным счастьем Кеке сгустились тучи.

Сосо хорошо учился и считался примерным семинаристом. После первого года учебы он был восьмым в классе по успеваемости – весьма неплохой показатель. Вначале никаких признаков вольнодумства за ним не замечалось. Он уважительно относился к преподавателям, старался получить максимум знаний. Тбилисская православная духовная семинария была отдельным миром. Это оказывало немалое влияние на умы и воззрения учащихся, хотя далеко не такое, как хотели бы преподаватели. Сокурсник Доменти Гогохия впоследствии, описывая семинарию, именовал ее «каменным мешком», в котором царили жесткие антигрузинские порядки. Одновременно семинария была рассадником всякого рода освободительных идей – народно-национальных и марксистско-интернациональных. Установленный в семинарии иезуитский режим вызывал протест у Сосо, питал и усиливал его революционный настрой.

Тридцать лет спустя, в беседе со своим биографом Эмилем Людвигом, когда тот намекнул, что становлению протестного характера вождя способствовали тяготы детства, жесткое обращение с ним отца, Сталин возразил и настоял, что определяющим фактором послужила семинария¹⁹.

Большинство семинарских служителей, о которых нелюбезно отзывался Сталин, были русскими. Они отличались негативным отношением к грузинской культуре и языку. Ректор семинарии *архимандрит* (10) Серафим (Мещеряков) называл грузинский язык собачьим. Такого же мнения был и *экзарх* (11) Грузии, архиепископ Владимир (Богоявленский). Семинарское начальство стояло на страже тех правил, которые запрещали чтение «посторонней» литературы на грузинском языке. Даже разговор семинаристов-грузин на родном

¹⁹ Уроженец Польши и выходец из еврейской семьи Э.Людвиг (1881-1948) никогда не был биографом Сталина. Вождь вообще не допускал к себе никаких биографов, если не считать таковыми самозванцев разного рода. Став крупным немецким писателем и противником нацизма, Э.Людвиг мог рассчитывать на аудиенцию у советского руководителя, и он получил ее 13 декабря 1931 г. Его интервью со Сталиным обошло мировую печать. Оно воспроизведено в 13-м томе сталинского Собрания сочинений, печатавшегося Политиздатом после войны. Цитирование этого интервью Рональдом Сунни является неточным, поэтому оно было убрано мною из предисловия. Вот, что на самом деле было сказано Сталиным по вышеназванному вопросу. Писатель спрашивает: «Что Вас толкнуло на оппозиционность? Быть может, плохое обращение со стороны родителей?» Сталин отвечает: «Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем не плохо. Другое дело, православная духовная семинария, где я учился тогда. Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов... я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма...». Людвиг не преминул спросить: «Но разве Вы не признаете положительных качеств иезуитов?» Р.Сунни приводит ответ и отмечает, что «ирония Сталина впечатляющая». К сожалению, профессор снова неточен в цитировании. Я взял сталинские слова из вышеназванного Собрания сочинений; они прозвучали так: «Да, у них есть систематичность, настойчивость в работе для осуществления дурных целей. Но основной их метод – это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство, – что может быть в этом положительного? Например, слежка в пансионате: в 9 часов звонок к чаю, уходим в столовую, а когда возвращаемся к себе в комнаты, оказывается, что уже за это время обыскали и перепотрошили все наши вещевые ящики...». (Прим. перев.)

языке не одобрялся. Использование грузинского языка было ограничено использованием его для чтения средневековых религиозных текстов. Однако обсуждение этих текстов шло уже на русском.

Еще за несколько лет до поступления Сосо в семинарию Ладос Кецохели уговорил одного тамошнего преподавателя разрешить один раз в неделю изучать произведения грузинских классиков на родном языке. Преподаватель согласился, но поставил условие, что и в этом случае обсуждение книг Шота Руставели, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Давида Гурамишвили и других авторов должно вестись на русском. Семинаристы отказались от такой «уступки»²⁰.

Один из русских преподавателей семинарии впоследствии вспоминал:

«Семинаристы-грузины постоянно находились под прессом несправедливого обращения. Это способствовало неприятию всего русского и их спланированию в замкнутые группы»²¹.

Русификаторский режим не мог заглушить интерес молодых людей к грузинской литературе, к национальным традициям. Более того, субкультура семинаристов, основанная на юношеской взаимовыручке и ненависти к *обскурантам* (12) в рясах, отторгала наихудшие проявления официальной русской культуры, догматизм, высокомерное отношение к нерусским, инородцам.

Вместе с тем надо отметить, что некоторые учащиеся относились к вопросам обучения серьезнее своих преподавателей. Учеба становилась для них своеобразным, первым актом протеста... Образование, которое можно использовать против самодержавия и для открытой идентификации себя с политической оппозицией, было для Сосо Джугашвили и многих его последователей большим стимулом, чем тайное чтение запрещенной литературы. (Этот путанный вывод несколько не соответствовал действительности и расходится с тем, что сообщается во всех источниках, включая исходящие от самого Сталина. – В.Г.)

Интерес к социальным проблемам стал движущим мотивом для Сосо Джугашвили. Сокурсник Сеид Девдариани, гостивший у него в Гори, свидетельствует: «Сосо мог целый день сидеть и неотрывно читать. Помню в его руках запрещенную книгу «Борьба английских рабочих за свою свободу»²².

...Сосо все реже навещал свою мать. Это ее очень беспокоило. Беспокойство переросло в тревогу, когда она узнала, что сын вовлечен в революционное движение против царя. Кеке не находила покоя – ведь бунтари всегда преследуемы властями. Мечтала увидеть сына епископом, а он бунтовать вздумал. Кеке немедленно выехала в Тбилиси. Сын встретил ее расстроенно: чего, мол, примчалась, не твое дело, чем я тут занимаюсь. Мать опешила, раньше

²⁰ Владимир, он же Ладос Кецохели (1876-1903) – один из основателей социал-демократического движения в Грузии и в Азербайджане. Он учился в той же семинарии, что и Сталин, и тоже был изгнан оттуда за бунтарство. Дружил со Сталиным и вместе с ним вел подпольную революционную деятельность. Не раз арестовывался. Был убит тюремщиками в Тбилиси. (Прим. перев.)

²¹ Судя по всему, речь идет о безымянных «Воспоминаниях русского учителя Православной Грузинской духовной семинарии», изданных в Москве «Русской печатней» в 1907 г. Автором предположительно является Иван Михайлович Меньшиков, служивший в Тбилисском учебном заведении с 1900 по 1903 гг., до перевода его в Могилевскую семинарию. Воспоминания написаны в третьем лице. В них довольно подробно рассказывается о педагогах и воспитанниках, о нравах заведения и различных конфликтах. В том числе – о конфликтах с ректором самого автора. Следует сказать, что в целом национальная политика царского режима и не только на Кавказе была, конечно, реакционной, нередко отличалась насильственной русификацией. В ходу был термин «туземцы», который царские сановники использовали применительно к грузинам, армянам, другим представителям нацменьшинств не только в разговоре, но даже в документах. Большевики и лично Сталин, безусловно, признавали ведущую роль русского народа в державном строительстве. При этом они понимали, что нельзя отождествлять народ с правящей верхушкой и ее верным помощником – церковью. Упор большевиков был на интернационализм и подлинную дружбу народов, благодаря чему их революция победила почти на всей территории империи. Поэтому, когда русификацию рассматривает буржуазный автор из-за океана – это одно, а когда эта тема рассматривается в русле сталинизма – это совершенно другое. (Прим. перев.)

²² С. Девдариани, «Сталин», архив МВД Республики Грузия, ф. 8, о. 2, т. 1 д. 12.

он так с ней не разговаривал. Она взмолилась: сынок, не губи себя и меня, все равно тебе не победить царя Николая.

Сосо смягчился, обнял мать, поцеловал, успокоил. Обнадежил ее, сказав, что она введена в заблуждение. Видишь, мол, я нахожусь в семинарии, а не в *Метехи* (13). Это было первой ложью в жизни Сосо, но мать успокоилась и вернулась в Гори.

Несмотря на то, что Кеке была крайне расстроена отходом сына от церкви и его революционными настроениями, она никогда не оставляла его в беде, всегда была его заступницей.

Узнав об аресте Сосо, она снова выехала в Тбилиси. На беду встретила с Бесо, который обвинил ее во всем и грозился собственноручно расправиться с опозорившим его сыном.

Кеке ответила, что не стыдится сына и, будь он хоть заключенным, хоть каторжником, для нее всегда останется родным.

Позднее сам Сталин указывал, что включился в революционную деятельность в ранней молодости после того, как связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших в Закавказье. Они оказали на него большое влияние и привили вкус к марксистской литературе.

В семинарии, где была налажена слежка за подозрительными, начали догадываться о нелегальной революционной работе Сосо. 28 мая 1999 года за пропаганду марксизма он был исключен из учебного заведения.

Когда он стал влиятельным человеком в стране, его мать заслуженно пользовалась любовью и уважением всех, кто теперь боготворил ее сына. Она была перевезена в Тбилиси и поселена в одной из комнат дворца царского наместника на Кавказе. Сталин регулярно писал матери; сохранилось 18 его писем к ней. Присылал фотографии своих детей – ее внуков. Однако виделись они редко. Последний раз он навестил ее в октябре 1935-го. Мать посылала сыну ореховое варенье, разные мелочи. В интернете размещены кадры, запечатлевшие, как она готовит это варенье. Русского языка мать не знала, поэтому Сталин писал ей на грузинском, хотя ему уже трудно было это делать. Поэтому писал он обычно коротко. (До конца своей жизни Сталин мог прекрасно говорить, читать и писать по-грузински. Краткость писем в данном случае свидетельствует о другом – о крайней занятости отправителя. – В.Г.) Самое пространное из его писем датировано 1934 годом:

«Здравствуй, мама-моя!

Письмо твое получил. Получил также варенье, *чурчхелу* (14), инжир. Дети очень обрадовались и шлют тебе благодарность и привет. Приятно, что чувствуешь себя хорошо, бодро. Я здоров, не беспокойся обо мне. Я свою долю вынесу.

Не знаю, нужны ли тебе деньги или нет. На всякий случай посылаю тебе пятьсот рублей. Посылаю также фотокарточки – свою и детей.

Будь здорова, мама-моя! Не теряй бодрости духа!

Целую.

Твой сын *Сосо*.

24/III-34 года.

Дети кланяются тебе. После кончины Нади моя личная жизнь, конечно, тяжела. Но ничего. Мужественный человек должен всегда оставаться мужественным»²³.

²³ Текст письма Р.Суни взял из одного из произведений Жореса и Роя Медведевых – историков неоднозначных и предвзятых (некоторые даже считают их одиозными). Текст не является аутентичным. Я привожу здесь заверенную копию перевода сталинского автографа, хранящегося в Архиве Президента Российской Федерации, ф. 45, о. 1, д. 1549. (Прим.

Руководитель Компартии Грузии Лаврентий Берия и его жена Нина проявляли особую заботу о матери вождя. Ее переезд из Гори в Тбилиси организовал Берия. Ей предоставили двух домработниц. Она жила скромно, больше всего любила ходить в церковь. Дала несколько интервью, в том числе американским журналистам²⁴. Ничего плохого она им не сообщила, и подчеркивала исключительность своего Сосо в детстве.

В мае 1937 года Кеке заболела воспалением легких, 4 июля того же года скончалась. Похороны состоялись не по церковному обряду, как это, вероятно, хотелось усопшей, а по гражданскому. Сталин не смог проводить мать в последний путь. За гробом шли высшие должностные лица республики. Похоронили ее в Пантеоне грузинских писателей и общественных деятелей на горе *Мтацминда* (15), близ храма Святого Давида.

Мать Сталина не смогла оставить такого наследника, о котором мечтала и надеялась. Вместо священника она вырастила революционера, который в небольшом пантеоне кровавых тиранов XX века занял видное место²⁵.

Рональд Григор Суни

перев.)

²⁴ По всей вероятности, автор предисловия имеет в виду, что осенью 1931 года у матери Сталина взял интервью американский журналист Кникербокер. Екатерина Георгиевна в национальном грузинском костюме сфотографировалась с журналистом. Это интервью и фотоснимок опубликовали многие американские журналы.

²⁵ Умри, Рональд, – лучше не скажешь... Правда, он не сказал, а написал. Что ж, бумага все стерпит. И не только от профессора, и не только в Мичигане или в Чикаго. (*Прим. перев.*)

Воспоминания

...Мои детские воспоминания связаны с Гамбареули.

Гамбареули – отдаленный пригород Гори – находился у подножия горы Квернахи, на берегу Куры. Из-за сильной заболоченности место слыло малярийным. Лишь крайняя нужда заставляла людей селиться здесь.

Мои родители не были родом из Гамбареули. Отец – Глаха или Гиорги был из села Свенети, мать – Мелания была из села Плави. Оба до венчания числились крепостными крестьянами помещика Амилахвари и работали на него. По профессии отец был гончаром. Все его старания добиться расположения Амилахвари не увенчались успехом. Не выдержав жестокого обращения помещика, отец с семьей сбежал из Свенети и поселился близ Гори, в местечке Гамбареули. Несмотря на то, что Гамбареули для здоровья был гиблым местом, обилие хорошей глины было на руку отцу, да и городской рынок для сбыта гончарных изделий находился гораздо ближе.

У меня было два брата – Гио и Сандала. Гио занимался обжигом кирпичей. Сандала пошел по стопам отца – стал гончаром. Стараниями братьев жизнь потихонечку наладилась, но именно в это время пришла беда: отца свалила лихорадка. Почти два года он был прикован к постели и в мучениях отдал богу душу. Мы осиротели.

Плохой климат, скудное питание подрывали наше здоровье. Временами и меня лихорадило. Кто знает, как бы все закончилось, если бы не одно важное событие. На наше счастье отменили крепостное право²⁶. Известие об этом, казалось бы несбыточном событии, мигом долетело до Гамбареули. Народ ликовал. Толпы людей с песнями и криками «ура» двинулись в Гори. Крестьяне стали селиться на господских землях. По совету матери братья решили сменить место жительства. Гио и Сандала погрузили на *арбу* (16) небогатый скарб; там же нашлось место для меня и матери. Мы двинулись в сторону Гори.

Это было незабываемое путешествие. Гори был праздничным и нарядным. Гремела музыка. Море людей восторженно приветствовала марширующих вооруженных мужчин. Во всех церквях служили молебны. Амкари весело шагали со своими знаменами. Под звуки *зурны* (17), *сазандари* (18), *дудуки* (19) не смолкали народные песнопения.

При въезде в Гори наша арба застопорилась на мосту. Услышав гром аплодисментов и крики «ура-ура», я не выдержала и, как это свойственно 8-9-летним нетерпеливым девочкам, вскочила на облучок и тоже захлопала в ладоши. Потеряв равновесие, тут же оказалась под колесом арбы. Я завизжала, братья стремглав бросились на помощь и предотвратили большую беду. Перепуганные братья внимательно осмотрели меня, приложили ко лбу пятак и перевязали голову косынкой. Мать, увидев, что все обошлось небольшой шишкой, немного успокоилась, но мною опять овладело любопытство. Глядя на море ликующих людей, я опять вскочила, сорвала с головы повязку и, аплодируя, снова начала кричать «ура-ура-ура». Мать встревожилась, силой усадила меня и прикрикнула:

Ты что, белены объелась? Не терпится под колесами арбы оказаться?

После этого случая она глаз с меня не спускала. Крепко сжав мою ладошку, так и держала за руку, пока мы не добрались до семьи нашего дальнего родственника Матэ Нариашивили. Родственники радушно приняли нас. Матэ оказался добрейшим человеком. Он близко был знаком с нашим отцом, не забыв помянуть его, тепло отозвался о нем.

Матэ из своего земельного надела выделил нам небольшой участок. Стараниями братьев вскоре была возведена добротная изба. Нам все помогли: кто кирпичом, кто кровельным

²⁶ Крепостное право в России было отменено в 1961 г. На территории Грузии отмена состоялась на три года позже – в 1964-м. (Прим. перев.)

гонтом (20), кто пиломатериалом, кто чем-то другим. Таким образом мы стали горийцами, жителями той его части, которая называется Русской слободой. В ту пору многие в землянках жили и лишь по дыму из печных труб можно было догадаться, что это – жилище. А вот наша изба гордо возвышалась среди землянок и развалюх.

* * *

Русская слобода не шла ни в какое сравнение с Гамбареули. От чистого воздуха я быстро поправилась, ожила, окрепла. Стала слыть привлекательной среди сверстниц. Так пролетели пять или шесть лет моей вольной жизни. Неожиданно близкий сосед вызвался быть *мачанкали* (21) и стал намекать братьям на некоего Бесо Джугашвили, который был старшим подмастерьем у ремесленника Барамова. Вскоре явился ко мне знакомиться сам Бесо. На другой день Гио сообщил об истинных намерениях Бесо и спросил меня, нравиться ли он мне. Я покраснела, опустила голову и, сдерживая слезы, ничего не ответила. Гио принялся хвалить Бесо. В конце концов, я дала согласие. В душе я радовалась, так как некоторые мои сверстницы положили глаз на Бесо и старались привлечь его внимание.

Вскоре состоялось знакомство наших семей, а затем обручение. Многие завидовали мне, считали, что своим замужеством я присвоила кусочек их счастья. Я понимала горийских девушек. У них был повод для обиды: Бесо представлял собой желанного жениха для многих. Статный карачохели, с роскошными усами, в ладно сидевшей на нем городской одежде, он свысока посматривал на местных юношей.

Свадьбу сыграли шумную, многолюдную. Мои шаферы – Якоб Эгнаташвили и Миха Цихитатришвили – были видными карачохели. Венчание состоялось в местном соборе, куда мы прибыли на фаэтоне, устланном коврами и шелковыми платками. Зурначи и певцы создавали неповторимую атмосферу народного гулянья. Особенно выделялся дружка жениха – молодой, храбрый кулачный боец Гига Ходели. Якоб Эгнаташвили, как старший шафер, сыграл особую роль в свадебном церемониале. Он и впоследствии был нашим верным помощником.

Я была по-настоящему счастлива. Бесо оказался хорошим семьянином, прилично зарабатывал, у него была добрая душа. Истинно верующий, он каждое воскресенье, зачастую вместе с моей матерью ходил в церковь. После обедни шли на базар и нагруженные покупками возвращались домой. Одним словом, многие завидовали нашему семейному счастью.

Бесо так объяснял происхождение своей фамилии:

«Мои предки были табунщиками. Поэтому нас звали «джогаанами. Но раньше они носили, конечно, совершенно другие имена»²⁷. По его словам предки жили в селе Гери и числились крепостными князей Мачабели. Между жителями Гери и пришлыми с гор осетинами постоянно происходили стычки. Междоусобица достигала такого размаха, что Мачабели уважил просьбу крепостных и разрешил им переселиться в село Диди Лило Тифлисской губернии.

Тем временем безоблачная семейная жизнь продолжалась. Бесо был востребованным маситером-сапожником. Он решил отделиться от своего работодателя Барамова и открыть свое дело. Узнав об этом, друзья-карачохели поспешили на помощь. Наш шафер Якоб заказал для Бесо станок. Гига Ходели в своем *духане* (22) выделил место для работы. Они же привели первых клиентов.

²⁷ По-грузински «табун» будет «джоги», «табунщик» – «меджог». Отсюда «меджог» или «джогаани» трансформировалось в Джугашвили. Есть, впрочем, гипотеза, что «джуга» на древнегрузинском наречии означала «сталь». Это могло породить прозвище, а затем фамилию человека, имевшего отношение к производству и обработке металлов. Кузнеца, например. Кстати, данная гипотеза согласуется с происхождением псевдонима «Сталин», впервые появившегося в 1913 г. (Прим. перев.)

Через год венцом нашего счастья стало рождение сына. Радость Бесо не имела границ. Крестины провели с большим размахом. Крестным отцом избрали Якоба Эгнаташвили. Кто бы мог подумать, что горе не за горами. Через два месяца первенца не стало. Бесо запил. Фундамент семейного счастья дал трещину. Спустя год родился второй сын. Крестным и на этот раз стал Якоб. По воле злого рока и этот малыш умер в младенчестве. Бесо чуть рас-судка не лишился. Мать в поисках ответа на случившееся обошла всех ворожей, постоянно молилась, ставила свечи. Когда родился третий мальчуган, Бесо решил не искушать судьбу и поменять крестного. Якоб обиды не держал.

Мать напомнила Бесо о необходимости поспешить в церковь Святого Георгия в селе Гери для жертвоприношения. Бесо ответил, что, если бог даст, ребенок выживет, то он на коленях дойдет до Гери и совершит обряд жертвоприношения. Такое вот пришлось пережить моей семье до появления на свет Сосо.

* * *

Мальчуган выжил, но был слабого телосложения, неженка, худющий. Он как магнит притягивал к себе всякие болезни. Не любил мясное, обожал *лобио* (23), часто ходил с лицом, перепачканным похлебкой из лобио. Бабушка (то есть мать Кеке. – В.Г.), обеспокоенная болезненностью внука, постоянно напоминала нам о необходимости жертвоприношения. Бесо тянул с обещанным, пока вдруг, простудившись, мальчик не потерял дар речи. Наши причитания в голос стали слышны всей округе. Соседи решили, что в Сосо вселился злой дух и он умирает. Через какое-то время ребенок пришел в чувство, опасность миновала.

Этот случай стал причиной ускорившей наш поход в Гери для покаяния. Преодолев многочисленные трудности далекого пути, мы достигли цели. Принесли в жертву овцу, совершили молебен. Во время проповеди Сосо с ужасом увидел, как некую невесту в белом одеянии с целью изгнания из нее бесов подвесили над пропастью. Этот метод «лечения» потряс ребенка. Мы поспешно вернулись в Гори. Какое-то время Сосо беспокоили тревожные сны. Он бредил, дрожал, в страхе крепко прижимался ко мне.

* * *

Сосо рано начал говорить. Помню каждое сказанное им слово. Увидев любой блестящий предмет, он по-своему агукал: «нда-а... дундала... нда». То есть заявлял, что он хочет «дундалу». (По-грузински «минда» означает «хочу». Выговаривая только второй слог – «нда» – ребенок действительно выражал свое желание. Что касается слова «дундала», то этот набор звуков был произвольным. А блестящие предметы естественным образом привлекали к себе внимание малыша. – В.Г.)

Ему очень нравились цветы, особенно васильки и ромашки. При виде ромашки им овладевало волнение, он размахивал ручонками и требовал: «зизи, нда, зизи». Так он называл ромашку.

Малыш любил и музыку. Мои братья Гио и Сандаля хорошо играли на *саламури* (24). Под настроение пели дуэтом. Сосо радовался безмерно.

Из птиц его особенно привлекала иволга. Он звал ее «гогия-гогия». Моя мать падал от усталости, нося его на руках по саду, чтобы показать «гогия-гогия» или дать насладиться пением соловья.

Мою радость от выздоровления ребенка омрачало пагубное пристрастие мужа – он стал часто выпивать. Близкие нам люди старались удержать его. Все напрасно. Мольбы мои и матери он полностью игнорировал. Пагубно влияли на него и покупатели. Исполнение каждого заказа отмечалось *магарычом* (25). Он и сам зазывал всех на чарку. Примерный

семьянин на глазах превращался в выпивоху. Появилась дрожь в руках, ухудшилось качество работы. Он часто оставлял мастерскую на попечение подмастерья. Стал капризным, скандально непокорным.

Подружился с русским Фокой – бывшим каторжником. Хвалил его, считая умным человеком. Никто особого ума у Фоки не замечал, а вот то, что он любил от души выпить, знали все. Надо отметить, что по сути Фока был добрым человеком. Как-то раз канарейку принес в подарок Сосо. Нередко, взяв его на спину, скакал как лошадь по двору и громко хохотал. Мою мать он обложил оброком: за каждый визит просил *чачу* (26), вино не признавал. Кончилось все печально. Фока окончательно спился, превратился в оборванца-попрошайку. Однажды в сильном подпитии свалился в снег и отдал богу душу. Оплакивал и хоронил его Бесо в одиночестве, так как о покойнике больше некому было позаботиться.

О моем горе я рассказала братьям, потом крестному – Якову. Ничего не помогло. Бесо спивался все сильнее. Мои братья решили поселить меня в комнате рядом с ними: мол, оставшись в одиночестве, Бесо, может быть, одумается. Так я вернулась туда, где жила до замужества. Но этим ничего не изменилось. Пьянки продолжались по-прежнему. По прошествии некоторого времени я переселилась еще дальше – сняла комнату в доме сельского священника Христофора Чарквиани.

Сосо рос чувствительным мальчиком. Услышав пьяное бормотание отца, он, со страхом прижавшись ко мне, просил укрыться у соседей от отцовского гнева. Семейные неурядицы наложили отпечаток на характере Сосо. Его печалило поведение отца. Он стал замкнутым, неразговорчивым, зачастую избегал сверстников, его даже не прельщала любимая игра в «Арсена». От нашего подмастерья он узнал о подвигах Арсена и торопил меня научить его грамоте, чтобы поскорее самому прочесть об этом народном мстителе.

Я хотела отдать сына в духовное училище, однако отец думал по-другому. Он собрался обучить сына сапожному делу. Бесо занялся его профессиональным становлением и говорил, что в возрасте Сосо он уже слыл правой рукой своего отца.

Сосо опять подкосила болезнь. В том году в Гори свирепствовала оспа. Во многие семьи пришла беда. Наш крестный Якоб в один день потерял троих детей. У сына болезнь протекала в тяжелой форме, я была на грани отчаяния. Думала, если спасу от смерти, то от слепоты не смогу его уберечь. Слава богу, обошлось – я оказалась счастливой матерью.

Запомнился один случай той поры. На третий день болезни у Сосо был жар. Он впадал в бред и вдруг заявил: покажите, мол, виновника моей болезни – Кучатнели. Бабушка обернула мутаку одеялом и сказала внуку: вот твой Кучатнели. Сосо принялся топтать идола, наставшего на него недуг. Затем, успокоившись, уснул.

* * *

Смертельная опасность миновала. Соседи поздравляли меня, предлагали посильную помощь. Бесо отстранился от семейных забот, строго наказав следить за питанием и здоровьем сына. Известно, что наказом сыт не будешь. Я ночи напролет проводила в слезах. Днем плакать не смела – слезы удручающе действовали на Сосо. Обняв и сына и осыпая его поцелуями, пыталась утешить его. Окрепнув, Сосо заговорил об учебе. Этого же хотели я и моя мама. Мы мечтали, чтобы он получил духовное образование. Перед глазами стояли торжественные встречи *епископов* (27), время от времени прибывавших сюда из Тбилиси. Шуршание *риз* (28), звон колоколов очаровывали. Вот и мы мечтали видеть Сосо епископом.

Однажды завели разговор с Бесо: дескать, скоро сыну восемь лет, а он грамоте не обучен. Бесо был категорически против: хорошая профессия важнее грамоты; у него дела идут все хуже и хуже, поэтому сыну самое время быть рядом с отцом. Я взмолилась: стану прачкой, возьмусь за любую работу, только не лишай сына учебы. Бесо обиделся, настаивал, что

отцу решать, что делать с мальчиком. Я возразила. Услышав нашу перебранку, Сосо расплакался. Слезы ребенка скандал предотвратили, но еще более убедили меня в своей правоте.

В осуществлении моей мечты большую роль сыграла семья священника Чарквиани, его старший сын Котэ. Он был усердным, тихим, воспитанным мальчиком. Его мать София относилась к нам с состраданием, вот я и попросила, чтобы она поручила Котэ заняться моим сыном. София любила нас. Всякий раз, стоило ей заприметить захмелевшего Бесо, она, зная о его вздорном характере, спешила укрыть меня с сыном у себя дома. Вняв моей просьбе, она поручила Котэ взять опеку не только над его младшей сестрой и братом, но и над Сосо. Котэ энергично взялся за дело. Сосо проявил незаурядные способности. Букварь был освоен за неделю. Дальше дело пошло еще более успешно.

Близился сентябрь. Родители готовили детей к школе. София не оставляла в покое мужа-священника. Дело в том, что в те годы в духовные учебные заведения принимали только детей служителей культа и у нас возникли проблемы. Христофор Чарквиани оказался добрым и сметливым человеком. Он в свое время принимал участие в церемонии нашего бракосочетания, за что Якоб Эгнаташвили его щедро одарил. Да и Бесо на почве взаимных пристрастий быстро нашел с ним общий язык. Каждая новая пара обуви, пошитая им для Христофора, обязательно отмечалась магарычом. Священник уважил просьбу жены. Сам написал заявление, в котором назвал Бесо своим дьяконом и ходатайствовал о допуске на экзамены его сына. Хитрость удалась – Сосо вызвали на экзамены. Все испытания Сосо прошел так успешно, что его сразу зачислили в средний класс.

Мы были счастливы, от души благодарили Христофора, а вот Бесо неистовствовал. Сосо в следующий класс перешел первым учеником, но отца это не радовало. Работу он совсем запустил. Бывший опытный подмастерье Дата Гаситашвили ушел от него и открыл свое дело. Мастерская осталась на попечении неопытного подмастерья Вано Хуцишвили. Но он годился лишь на роль мальчика для мелких поручений: помогать по хозяйству, носить воду, подметать двор. Семья выстояла благодаря помощи Якоба Эгнаташвили. Крестный ни в чем не отказывал. После потери троих детей он выстоял, у него родились другие. Мне было так неловко зависеть от него при живом муже.

Бесо во всех бедах винил меня, утверждал, что если бы не мое упрямство, то Сосо вскоре стал бы гордостью амкарства. Однажды, явившись в сильном подпитии, силой забрал Сосо к себе и поручил тачать сапоги. Я всех подняла на ноги. На моей стороне были братья, крестные, соседи. Я требовала вернуть сына. Бесо заупрямился: у мальчика-де явные признаки хорошего мастера и нечего терять время попусту.

Вмешались начальник учебного заведения Беляев, большинство преподавателей. Бесо сдался, но посчитав это своим позором, навсегда оставил семью.

* * *

После ухода мужа нам пришлось трудно. Крестный по-прежнему щедро помогал. Его жена мариам искренне жалела Сосо – ведь он был сиротой при живом отце. Эта сердобольная женщина часто присылала нам корзину полную провизии. Якоб и Мариам никогда ничем нас не попрекали, но гордость не позволяла мне быть на чужом иждивении. Я не чуралась никакой черной работы. Стала прачкой. Преподаватели с вниманием относились к моим трудностям. Особенно внимательным был ректор училища Беляев. Он, как я уже говорила. Был добрейшим, скромным человеком, очень любил Сосо как первого ученика. Он послал ко мне свою супругу, с извинением попросил выстирать белье и предложил очень хорошую плату.

Кроме стирки я занялась шитьем. В доме крестного выстегала все одеяла. Получилось настолько хорошо, что заказы не заставили себя ждать. Вскоре я стала лучшей стегальщицей

в Гори. Дальше – больше. Стала шить белье, потом платья. Одним словом, новая профессия стала спасательным кругом для моей семьи.

В ту пору две сестры Даро (Дареджан – В.Г.) и Лиза Кулиджановы организовали в Гори мастерскую по пошиву одежды. Наслышавшись о моем мастерстве, они пригласили меня, испытали и приняли на работу. Вскоре я стала искуснее этих сестер, но в отличие от них была малообразованной и об открытии мною самостоятельного дела не могло быть и речи. Семнадцать лет, не поднимая головы, проработала я в швейной мастерской. Меня ценили. Вначале платили по два *гривенника* (29) в день, затем – полтинник, четыре *двугривенных* (30), а при срочных заказах или при работе в выходные дни не жалели шести *двугривенных*. Так я содержала моего маленького Сосо. Старалась делать все, чтобы не дать ему почувствовать безотцовщину.

* * *

Из старых воспоминаний для меня самые радостные – это первые шаги Сосо. Несмотря на мои почтенные годы, я отчетливо помню ту пору и с радостью вспоминаю ее.

Как я упоминала, малыш очень любил цветы, особенно васильки и ромашки. Моя мама все время гуляла с ним, умывала родниковой водой. Как-то почувствовав, что ребенок силится шагнуть самостоятельно, она позвала меня и мы вместе взялись за дело. Я с сыном присела у крыльца, бабушка отошла в сторонку и стала сорванной ромашкой манить и подзывать внука. Услышав знакомое слово «зизи» и увидев цветок, Сосо восторженно, глаза его загорелись, он протянул руки к цветку и повторил – «зизи». Бабушка продолжала махать ему ромашкой. Сосо напрягся, одной ручкой облокотился о мое колено и чуть приподнял ножку. «Зизи, зизи», – подбодрили мы его. Он на секунду задумался, загалкал, отпустил меня и, шатаясь, сделал несколько шажков. Падая, уткнулся в подол платья бабушки. Мурлыча что-то свое, он с гордостью оглядел нас.

Настал мой черед. «Та, та!» – позвала я его, показывая яблоко. Не тут-то было. «Зизи» оказалось явно привлекательнее, чем «та-та». Ну, сорванец, подумала я, и решила действовать наверняка. «Сиси», – сказала я негромко, оголяя грудь. Малыш расцвел, то же самое расстояние он преодолел гораздо быстрее и заслуженно принялся за обед. Насытившись, он опять пришел в романтическое настроение и со словом «зизи» вернулся к бабушке.

Нашу идиллию прервал Фока. Он, оказывается, наблюдал за нами. Он от души хохотал над первыми шагами Сосо. Я смущенно прикрыла обнаженную грудь и с ребенком на руках поспешно ретировалась в дом. Бабушка выставила дань – бутылку чаи. Опустошив ее, Фока, выделывая ногами кренделя какого-то замысловатого танца, удалился.

С детским словечком «дундала» связано еще одно мое воспоминание.

Однажды нас пригласили на свадьбу. Мы взяли малыша с собой. Появились жених и невеста. Голову невесты украшал венец из цветов. Увидев цветы, Сосо тут же вцепился в них и начал стягивать венец с головы невесты. Жених, посчитав это плохой приметой, стал чернее тучи, невеста притихла от страха. Я отчитала малыша и попыталась разжать его ручонки. Не тут-то было. Он заголосил свое «дундала-дундала», и руки не разжимал. За малыша заступился крестный. Якоб рассмеялся, поцеловал ребенка и заметил, что если карапуз уже сейчас пытается похитить невесту, то что будет, когда он вырастет. Все разве-селились, у жениха отлегло от сердца, невеста успокоилась, а Сосо довольствовался одним цветком, выдернутым для него из венца.

– Вот тебе твоя «дундала», – сказал крестный, передавая малыша с цветком нашему подмастерью Дате Гаситашвили, и мы вместе пошли домой.

Дата очень любил маленького Сосо. Однажды, прогуливаясь с ним, он встретили незнакомого русского. «Какой хороший саранчонок», – сказал незнакомец. Дата нахмурился.

Безобидное слово «саранчонок» он посчитал ругательством и отмутил обидчика. Дело дошло до суда, на котором Дата объяснил причину своего гнева. Судьи рассмеялись, и дело закончилось примирением сторон. Мировую, точнее мировое застолье организовывал крестный. Он и тамадой был. Пришлось ему и это нелегкое бремя вынести.

Надо сказать, что Сосо в детстве действительно был щуплым как саранча: плоть никак не нарастала на его кости. Сколько раз он был на грани выживания не счесть.

Ему было около пяти лет, когда Бесо на праздник преображения принес из города пару роскошных арбузов. Хотели, как это положено, вместе с другими фруктами освятить их в церкви. Бесо один арбуз разрезал на пробу. Арбуз оказался отменным. Сосо съел небольшой ломоть. Бесо его отругал: почему, мол, не дождался освящения. Малыш страшно обиделся и отказался идти с нами. Помолившись в церкви, мы освятили принесенные с собой фрукты и вернулись домой. Насупившийся Сосо по-прежнему торчал у входа, и никак не удавалось его уговорить пообедать со всеми. Бесо рассердился: пусть стоит. Тут в гости пришел крестный, но и тому не удалось уговорить ребенка.

Обед затянулся. Когда перешли к фруктам, дверь отворилась, вошел Сосо и закричал: «Плохие, плохие, плохие..!» мы засмеялись. Крестный подошел к мальчику, взял его на руки, усадил за стол и положил перед ним целый арбуз. Долгое стояние на сквозняке сильно застудило малыша. У него начались судороги, он потерял сознание. Спасла нас проходившая мимо знахарка. Она смогла привести Сосо в чувство.

Помню второй несчастный случай; тогда Сосо уже учился. Утром я отправила сына на занятия целым и невредимым, а в полдень его принесли на руках. Оказывается, когда он возвращался домой, его окликнул знакомый. Мой сын повернулся и в этот момент на него наехал фаэтон. Лошади чуть было не растоптали его. Сосо принесли без сознания... У меня началась истерика. В течение двух недель сын не проронил ни звука.

Храни бог фельдшера Ткаченко, который привел к нам доктора Любомудрова. Оба они ежедневно посещали больного, утешали меня: молодой организм справится с бедой. Позже к ним присоединился доктор Сааков. Узнав о попавшем в беду ребенке, сам вызвался помочь. Впоследствии все трое отказались от вознаграждения. Три недели боролись они с недугом, спасли ребенка, подарили жизнь моему Сосо. Добрый доктор Сааков в день выздоровления подарил мальчику рубль на карманные расходы.

...Как я уже говорила, наша совместная жизнь с Бесо стала невозможной. Переселившийся в Тбилиси оказавшись лишенным семейного уюта и любви сына, он понял опрометчивость своего поступка. Чтобы задобрить меня, высылал деньги на имя сына, а потом стал просить о примирении, обещал бросить пить. Узнав об этом, братья засуетились. Особенно старался Гио. Он и крестного привлек к этому. Одним словом, решили, что я должна пойти на уступки. Гио был категоричнее других. По его мнению виновницей семейного разлада была я.

– Кеке, дорогая, – твердили братья, – тебя все осудят. Нельзя женщине быть одной. Ну что ты вцепилась в сына. Если Бесо не хочет обучать его грамоте, значит так надо. Мы тоже малограмотные, но живем не хуже других. Пусть мальчик подчинится воле отца, обучится ремеслу, тем более, что у него это хорошо получается. Да и Бесо, когда сын будет рядом, изменит свой нрав.

Я расплакалась, наотрез отказалась от примирения. Решила, что если для зарабатывания денег, придется стать попрошайкой, то пойду даже на это, но сыну дам образование. Увидев такую решимость, крестный поддержал меня. А братья обиделись и неделю не разговаривали со мной. Они не могли понять, что требуемые уступки не отвадили бы мужа от пагубного пристрастия.

Да и как можно было отлучать сына от духовного училища! Он прекрасно учился, преподаватели в один голос хвалили его. Разве мать имела право лишать учебы такого одарен-

ного ребенка в обмен на хорошие заработки будущего сапожника. Нет и нет. На полпути сына не брошу. Пока живу, не предам его, не возьму такой грех на душу.

Кроме отличной учебы Сосо преуспевал в пении в церковном хоре. Преподаватель Свимон Гогличидзе прочил мальчику будущее и на этой стезе. Видя усердие моего сына, я себе во всем отказывала, лишь бы ему было хорошо. Он всегда был одет с иголочки. Чтобы скрыть его худобу, я излишне укутывала его. Он ценил мою заботу, был сильно привязан ко мне, искренне любил меня. При виде пьяного отца глаза его наполнялись слезами, губы дрожали...

Шли годы. От Бесо не было никаких вестей. Я даже не знала, жив ли он. В какой-то степени меня это даже радовало. Ведь смогла же я своими силами вести хозяйство, самостоятельно поставить сына на ноги. Как-то до меня еще раз дошла просьба Бесо о примирении, но я была непреклонна.

* * *

Сколько раз я просиживала ночи напролет у изголовья сына, мечтая о том времени, когда он станет взрослым, добрым молодцом. Сбылась моря мечта: сын повзрослел, стал гордостью училища и товарищей. По всем предметам у него были только отличные оценки, и он по праву считался лучшим учеником. Меня сердечно поздравляли с успешным окончанием сыном Горийского духовного училища. Его преподаватель Свимон Гогличидзе сетовал, что не сможет найти достойную замену Сосо в церковном хоре.

Однако мои мысли отныне были далеки от проблем хора. Я думала только о продолжении учебы, хотя знала, что в случае поступления в Тбилисскую Духовную семинарию ему придется покинуть меня. Все эти годы мы были неразлучны. Летом во время каникул его сверстники разъезжались кто куда. У нас же не было близких родственников, ехать было некуда. Так и проводили каникулярное время: я в хлопотах по хозяйству, он – с книгами.

В 1894 году Сосо окончил Горийское училище. Настало время думать о поступлении в семинарию. В ту пору семинарию охватили волнения. В результате круг поступающих был резко сужен. Принимали лишь членов семей священников. Я обнадежила сына – найдем выход. Обошла всех влиятельных преподавателей: Гогличидзе, Давыдова, Илуридзе. Все пообещали помочь, выдали сыну блестящие характеристики, составили необходимое ходатайство. Вооружившись такими бумагами, я и Сосо направились в Тбилиси.

* * *

Сосо впервые в жизни покидал Гори. Поезд ему очень понравился. Не отходил от окна, на каждой остановке спрашивал: еще не доехали? Подъезжая к Тбилиси, он вдруг загрустил, даже слезы выступили на глазах. Я перепугалась. Он пояснил: как быть, если отец разыщет его, запретит учиться и заставит заниматься сапожным делом. Обняв сына, я успокоила его: пока, мол, жива, никому не позволю помешать его учебе.

В Тбилиси прибыли утром, часов в 11. Большой город произвел на сына неизгладимое впечатление. Он ко всему внимательно присматривался. Но не это было главным. Мне передались опасения сына по поводу возможной встречи с Бесо. Сердце с тревогой билось. Про себя решила, что если неожиданно столкнусь с ним и он попытается отнять сына, закричу, позову на помощь городского, прохожих. Умру, но сына не отдам. Страхи оказались напрасны. Обошлось.

По прибытии в город, не желая беспокоить дальних родственников и знакомых, мы занялись поиском жилья. Это оказалось нелегким делом. Чаше попадалось жилье, которое нам было не по карману. Только ближе к вечеру, в верхней части города, близ церкви *Анчис-*

хати (31) подошли к одному дому, двери которого открыла армянка. Женщина была одна, так как ее домочадцы временно отбыли в деревню, и рада была всем, кто мог бы скрасить ее одиночество. В этом доме мы прожили три недели. Так случилось, что за это время хозяйка вышла замуж. Когда пришло время расплачиваться, она наотрез отказалась взять деньги. Она считала, что вместе с нами в ее дом вошел добрый ангел, осчастлививший ей замужеством. Поэтому она считала, что не мы, а она сама была в долгу.

Настало время заняться вопросами семинарии. Зная о препонах, стала искать пути их преодоления. В Тбилиси жила одна дальняя родственница, на помощь которой я очень надеялась. Звали эту женщину Като. Муж ее Иванэ Касрадзе был простым столяром. Като нас приняла радушно, обнадежила и, как оказалось, она имела на это основания.

Дело в том, что в этом же доме жил священник – некто Чагунава, влиятельный сотрудник духовной семинарии. Като поступила хитро и решила действовать через жену священника – Маку. Рассказав Маке о нашей тяжелой жизни, об исключительных способностях Сосо, познакомила нас с ней. Маке Сосо понравился. Обещала похлопотать за него. Поведав мужу о нас, стала упрашивать его о помощи.

После знакомства с нами и разговора с Сосо, священник тоже дал обещание похлопотать. Он оказался человеком слова. На другой же день поговорил с семинарскими преподавателями, объяснил им, что помощь нужна только в допуске к экзаменам, а дальнейшее будет зависеть от знаний поступающего. Руководство семинарии дало согласие. Нашей радости не было границ.

До экзаменов оставалось две недели, и я спросила Като, как отблагодарить Маку ее за неоценимую помощь? К счастью, оказалось, что Мака искала стегальщицу для своих многочисленных одеял. Вот удача, – подумала я, и взялась за дело. Жена священника пришла в восторг от моего мастерства и предложила щедрую плату. Разумеется, я отказалась от вознаграждения.

Начались экзамены. Я очень волновалась. Чагунава внимательно следил за моим сыном. Через три дня Като сообщила, что самые сложные предметы Сосо сдал так успешно, что руководство семинарии решило зачислить его на частичное государственное обеспечение. Мне предложили вернуться в Гори и позаботиться лишь о деньгах на оплату одежды семинариста. Я была на седьмом небе от счастья.

Радостная, вернулась домой и принялась за выполнение многочисленных заказов. Моей целью было заработать сто рублей на покупку обновок для сына. Внезапно, через пару дней получила телеграмму от Маки: успехи Сосо при сдаче остальных экзаменов настолько впечатляющи, что он зачислен на полное государственное обеспечение.

Через месяц, увидев сына в новенькой одежде семинариста, я не сдержала слез радости. Вот так осчастливил нас совершенно незнакомый человек – священник Чагунава.

На первых порах мне было весьма тяжело от одиночества. Постоянно плакала по ночам. Расставание с сыном стало для меня тяжелым испытанием. Никак не могла привыкнуть к тишине пустого дома. Купила простые гиревые часы-ходики, их тиканье немного успокаивало меня. Для меня не имело значения, правильно ли идут они, какое время показывают. Достаточно было каждое утро, подтягивая гири, запускать часы и слышать тиканье механизма. Сосо понимал меня. Поэтому регулярно, в неделю два раза посылал мне письма. Успокаивал, приободрял. Каждое письмо добавляло мне годы жизни. Я засыпала, обнимая их, а утром перечитывала. Расцеловав каждое письмо, заворачивала все письма в платок, чтобы вечером, вернувшись с работы, перечитывать их заново. Я воочию представляла своего сына, будто он по-прежнему стоит рядом и обнимает меня.

Сосо и в семинарии учился хорошо. Я с нетерпением ожидала Пасхи и Рождества, когда он приезжал на двухнедельные каникулы. Видно было, как меняется со временем мой сын. Безусый юноша на глазах превращался в доброго молодца. Я не верила своим глазам:

неужели это тот мальчуган, которого я растила, зарабатывая на жизнь швейной иглой и наперстком. Помню, во время приезда на Рождество он привез мне горсть сахара из своего семинарского пайка. Этот гостинец так обрадовал меня, что крохотными порциями я угощались долгое время.

В первые свои приезды сын оставался таким же ласковым и внимательным, как и в детстве. Но, спустя какое-то время, приехав на каникулы, он начал сторониться меня, мало, что рассказывал. Чаще стал отлучаться из дома. Вокруг меня шептались, ничего не договаривая конкретно, но в конце концов откровенно сказали: Сосо стал бунтовщиком.

Я пришла в ужас. Ведь бунтовщики вечно гонимые люди. А я тайно верила, что мой сын будет епископом. Быстро собравшись, я выехала в Тбилиси. Сын встретил меня сердито. Тебя, мол, не касается, что я делаю. Это была первая грубость, которую он позволил по отношению ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.